

РИТОРИКА ВЕРЫ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА

Анализируется применение Аврелием Августином средств римской риторики для объяснения истин доктринального характера. В статье показан процесс преобразования Августином римского ораторского искусства в жанр христианского красноречия. Принципы обоснования догматических положений, сформулированные Августином, развиваются впоследствии в западной философии и достигают наивысшего расцвета в схоластике.

Ключевые слова: Аврелий Августин; риторика; Слово; христианское учение; вера.

Во времена Августина продолжается повсеместное распространение христианских идей в римо-латинском мире. Однако вместе с ними множатся и еретические доктрины и теории, поскольку разум с одинаковой силой может как обращать человека к спасительным истинам Христа, так и доказывать их несостоятельность. И Августин понимает, что сила христианства станет одним из мощных факторов воздействия на мир, благодаря чему произойдет объединение разнородной массы верующих и утверждение христианства как единственно верной религии, в то время когда будут найдены аргументы безусловной истинности и убедительности доктринальных положений. Но он осознает невозможность такого варианта, поэтому надеется дать разуму надежную опору, направление, пойдя по которому человек самостоятельно устремится к пути спасения.

Обучение в риторской школе – факт, казалось бы, весьма заурядный в биографии иного мыслителя, у Августина оказывается определяющим для его творчества, ключ к пониманию его философии в его биографии. Именно это образование предопределило формирование и дальнейшее развитие его философских идей, отвечая на вопрос о том, почему из всех учений, школ, напряженных духовных исканий Августина оказывается близко христианство, фундамент которого в Логосе. Познавательная активность философа всегда начинается с исследования феномена слова, возможностей риторики и завершается им же.

Риторическое слово Аврелия Августина опирается на глубокое знание человеческой души, на основании которого он объясняет право человека на понимание, даже когда речь идет о догматических вопросах. Стремление к пониманию всегда приводит человека к самопознанию. Он говорит: «О, если бы мы оба могли спросить об этом какого-либо ученейшего, и притом красноречивейшего и во всех отношениях мудрейшего и совершеннейшего человека! Как прекрасно в своей речи и рассуждениях он разъяснил бы, какую силу имеет душа в теле, какую сама в себе, какую у Бога, к Которому она, будучи чистой, весьма близка, и в Котором имеет для себя высшее и всяческое благо! Теперь же, когда мне недостает такого человека, я вынужден предложить тебе только свои услуги. Выгода здесь заключается в том, что в ту пору, как я, неученый, буду объяснять, какую силу имеет душа, я без опасения испробую, какую силу имею сам я» [1. Т. 2. С. 253].

И Слово как метафизическое основание бытия, заключающее в себе все понятия и явления, предстает у Августина как ступень к духовному восприятию мира и его пониманию, открывающему значимое в себе бытие, противоположного телесному, благодаря которому и раскрывается тайна человеческой личности во всей безграничной способности к внутреннему самоопределению и самосовершенствованию.

Августин убедительно доказывает, что человек обращается к Богу ввиду того, что ему сложно примириться с положением песчинки в этом мире, он не может не искать объяснения своего существования. Каждый смертный хочет значимости и признания, исходящего от кого-то извне. Именно поэтому человеческой природе свойственно искать нечто недостижимое, в этом и есть причина того, что «абсолютно все люди воспринимают Бога как Высочайшее» [2. С. 32]. Поэтому его риторическое слово Аврелия Августина – это одновременно обращение и к Богу и к человеку.

Мысль о Слове у него всегда является изначальной и исходной точкой всей его философии, вследствие чего концепцию лингвистического символизма философ развивает в рамках христологии. В его трактатах христианские идеи Искупления, Боговоплощения, Воскресения предстают как события, возвращающие смысл человеческому присутствию в мире, поскольку через них Бог непосредственно говорит с каждым конкретным человеком, но транслируется этот диалог в самых разнообразных случаях и действиях, благодаря чему и обретает многообразные проявления и формы. Такой разговор представляет собой двунаправленный акт, в котором различимы активность вопрошающего и действия открывающегося. Личная встреча с Богом и общение с Ним происходят, таким образом, в акте понимания.

Обращенность к собственной мысли и к Богу одновременно, по мнению Августина, поскольку слово существует в человеке и только там он и может понять и познать его. «Отсюда и слово *cogitare*. Сого и *cogito* находятся между собой в таком же соотношении, как и *ago agito, facio* и *facito*. Ум овладел таким глаголом, как собственно ему принадлежащим, потому что не где-то, а именно в уме происходит процесс собирания, то есть сведения вместе, а это и называется в собственном смысле обдумыванием» [3. С. 133]. Более того, философ считает, что непонимание истины есть не что иное, как возмездие за грех.

Все трактаты Аврелия Августина так или иначе возвращаются к его идее о том, что христианство

представляет собой законченное целостное учение, в котором, с одной стороны, присутствуют простота и ясность, с другой – подобия, встречающиеся в изречениях Откровения, в действиях библейских персонажей и в церковных таинствах, имеющих как по отдельности, так совместно отпечаток истины. Августин утверждает взаимосвязь понимания, обращающего мышление человека к феномену Слова, раскрывающего очевидность метафизического основания, и действий человека, доказывающих истинность такого осознания вещей и явлений бытия.

Августин убежден в том, что понимание есть не что иное, как исполнение бытия, и свершается тем основательнее, чем глубже человек вдумывается в явленное ему Священным Писанием. Риторическое слово в этом процессе необходимо, поскольку, с одной стороны, оно позволяет вмещать понимаемое, с другой – формулировать истины Откровения так, как они даны Богом.

Философ доказывает, что неуверенность в каких-то вопросах не должна быть поводом для замешательства, и выражает готовность спрашивать вместе с тем, у кого есть сомнения, поскольку он вынужден признать, что каждый человек в поисках истины «блуждает в потемках». Августин непрестанно говорит о том, что в вере каждый должен пройти путь сомнения, чтобы впоследствии разум получил необходимую опору, поскольку «еще ни один человек не говорил так, чтобы быть понятым всеми и во всем» [4. Ч. 1. С. 19].

В связи с этим нельзя не упомянуть о том, что в восточно-христианской философской традиции существовала соборность в разработке доктринальных положений и принятии решений. В то время как Августин был поставлен перед необходимостью самостоятельно искать ответы, особенно на те вопросы, которые не подвергались детальному рассмотрению его предшественниками. Кроме того, ввиду незнания греческого языка он не имел возможности изучить трактаты восточных мыслителей по интересующим его темам. Поэтому часто исследование некоторых проблем он начинает как бы с чистого листа.

Неудивительно, что Августин всегда говорит о необходимости самостоятельного постижения христианского вероучения. И если после детального рассмотрения человек пришел к выводу о неудовлетворительности сделанных умозаключений, то нет ничего преступного в том, чтобы опровергать сказанное или утверждать иное, но при условии доказательности выражения. Вместе с тем существуют также пути распознавания заблуждений: через сокровенные наставления, непосредственно данные человеку Богом, явные изречения, увещевания, исходящие из уст других людей или литературных источников.

Но главный аргумент, звучащий еще в работах мыслителей в первые века, к которому прибегает и Августин, – обращение к личности Христа и его жертве. И причиной того, что человек блуждает и не понимает христианской веры в том, что в своей жизни он опасается многих вещей и стремится изо всех сил избежать опасностей, в то время как Сын Божий ис-

пытал все, чего боится каждый смертный. Это противоречие мешает человеку испытать полноту веры, познающему окончательно освободиться от заблуждений.

Интересно, но в восточно-христианской философской традиции мысль человека не имеет права претендовать на понимание «вещей божественных». Любое познание не совершенно, поэтому не может притязать на истинное, следовательно, необходимо воздерживаться от стремления понимать то, что должно быть исключительно предметом веры. Восточная мысль старается сместить акцент на человека и его виновность, которая не вызывает никакого сомнения из-за догмата о первородном грехе. Человек обладал высшей степенью совершенства, т.е. свободой, которую он отверг, но вернуть ее можно только в духовном опыте, благодаря чему он должен добиться того, чтобы Бог Сам обратился к нему в его сознании.

Добровольное незнание в восточно-христианской традиции – предпочтительный путь, ведущий человека к Богу, так как разумное понимание обнаруживает лишь ограниченное сущее, а божественное бытие – вне всяких границ. Все события духовной жизни происходили всегда в уединении, а не полемике; доктринальные вопросы решались общими усилиями. Именно поэтому и красноречие как таковое вытеснялось из сферы необходимого как в философском, так и в богословском дискурсе.

Августин постулирует тождественность понимания и принятия христианского вероучения. Он считает не менее значимым фактором личность человека, проповедующего то или иное учение. Философ упоминает о том, что возникновение любви или стремления к его освоению зарождается не в последнюю очередь из способности к восхвалению, особенно когда речь идет о распространении идей христианства. И видоизменить неспособный ум и устремить его к восприятию вечной истины может благочестивое поведение. Мысль, выстроенная на основе искусства красноречия, всегда содействует тому, что человек, возвращаясь к ней многократно, переосмысливает параллельно и другие вопросы, которые неминуемо влекут за собой и внешние перемены в его повседневном существовании. Поэтому Аврелий Августин всегда использует риторическое слово в первую очередь для объяснения теологических вопросов.

Философ выделяет еще одну значимую, по его мнению, черту в процессе понимания. Он доказывает, что сущность его не только в уяснении смысла данного Богом, но в том, когда человек способен назидать других. Поэтому Августин и обращается к диалектике, которая «учит учить, но она же и учит учиться; в ней обнаруживает себя разум и показывает, что он такое, чего хочет, что может. Она знает знать; она одна не только хочет, но и может делать знающими» [5. С. 171], а средства аргументации он извлекает из языка. Философ видит смысл поучения том, чтобы, с одной стороны, активизировать в человеке стремление к познанию, с другой – вызвать разумное стремление следовать полезному с христианской точки зре-

ния в повседневном существовании. Августин называет такое состояние человека «любовью стремящейся души», «желающей знать то, что не знает, не есть любовь к тому, чего не знает, но к тому, что знает, на основе чего желают знать то, чего не знают» [4. Ч. 2. С. 27–28]. И одну из главных задач теологии он усматривает в красноречивом выражении слова, напоминающей человеку о действенной силе Откровения.

Ранние мыслители вычеркивали словесное искусство из перечня решительного воздействия на слушателя на том убеждении, что оно только поощряет в человеке развитие пороков: «Красноречивый язык и изящные выражения доставляют наслаждение и питают тщеславие людей с испорченным умом» [6. С. 9].

Кроме того, существовал еще один факт, который, вероятно, заставил апологетов отказаться от риторики. Центральный факт Откровения – Суд над Христом – демонстрирует молчаливое отречение не только от какого-то ни было красноречия, но от словесных выражений.

По признанию многих философов эпохи патристики, негативное отношение к ораторскому искусству объяснялось ими отсутствием нравственного содержания в стилистически правильных приемах речи.

Августина, напротив, всегда волнует не только, что следует произнести, но и то, каким образом выразить сказанное и передать написанное в Откровении. Его понимание красноречия базируется на принципе единства смыслового содержания и эстетики словесного творчества, насыщенного вероучительным значением. И несмотря на широкое использование приемов античной риторики для объяснения вероучительных истин, Августин одновременно преодолевает ее несовершенства, о которых говорили другие представители патристики, он постоянно напоминает о том, что его задача «учить благу и отучать от зла». Его возвышенный слог эксплицирует определенный предмет философского интереса, но вместе с этим разъясняет еще и доктринальные вопросы.

Античный ритор, наблюдая за слушателями, мог увидеть, какое впечатление произвело его выступление, т.е. достиг или нет он своей цели, которая состояла в убеждении. Христианский проповедник был изначально лишен такой возможности, поскольку невозможно достоверно понять, какое действие оказала его речь, ввиду того его задачей было зарождение веры в душе человека. Поэтому только риторики здесь было явно недостаточно, в такой ситуации требовались иные средства.

В выступлении античного ратора всегда была определенная тема. В устном слове проповедника не было заданной структуры, речь могла из монолога превратиться в яростную полемику или перейти в русло практических вопросов. И одно только знание правил элоквенции или приемов риторического искусства не гарантировало понимания слушателей. Ведь даже при наличии ревностной веры говорить о Боге ясно и понятно другому сложно уже потому, что Его облик «неописуем и неизъясним», а слава бесконечна.

Духовный опыт Аврелия Августина, основанный на вере, воссоздал непосредственную и живую реальность, воплощенную в риторическом слове, целью которого всегда было понимание и истолкование знака. Чувство Бога, на котором основывается его познание и понимание, ведет к тому, что красноречие идет за его мыслью.

И хотя в «Христианском учении» он указывает на то, что с помощью «искусства риторики можно убеждать и в истинном и в ложном», в другом произведении он проясняет собственную точку зрения, согласно которой душа говорящего не может проявиться полностью, в силу невозможности словесного выражения. И если существует подобное препятствие, то именно это обстоятельство и становится причиной появления лжи. Красноречие, основанное на понимании самого себя, исключает вероятные искажения истины в силу того, что создает для воспринимающего эстетику восприятия и глубину понимания. Вследствие этого Августин постоянно обращается к вопросам самопознания. Через красноречие он формирует своеобразную эстетику разума, в которой человеческая речь выступает как самоявственность человека, а ораторское искусство в работах Августина нередко выступает как метод постижения бытия, поскольку, как считает философ, само «искание речистее открытия».

Поэтому философские идеи Аврелия Августина о Боге, вере и способах ее обоснования, представление о мире, человеке, феномене человеческой свободы, справедливости, роли знака в понимании артикулируются через искусство красноречия. Всесторонне рассматривая феномен знака, формулируя правила словесного выражения – элоквенции, он, по сути, изучает категории бытия. И если он начинает и завершает философское размышление о Боге, то и изучение феномена слова, и осмысление способов словесного выражения вводятся в сферу теологии, следовательно, и риторика становится богословием.

Так появляется новая сфера ораторского искусства – христианское красноречие, в котором, по словам Августина, бездействуют те, кто произносит за благовременно подготовленную и дословно выученную речь. Риторика Аврелия Августина всегда несет людям живое Слово, личное, пророческое, взывающее, в которой, тем не менее, происходит интеграция риторического стиля Античности и христианского содержания, именуемое философом «Сосудом Духа». Он доказывает, что христианское красноречие не имеет ничего общего с софистикой, поскольку наполнено глубоким духовным содержанием. Никогда словесное искусство проповедника не может стать красноречием ради красноречия уже в силу того, что слово, ведущее к пониманию, – это одновременно мысль и смысл. Слово имеет собственное бытие, поэтому имеет значение само по себе, независимо от своего содержания, поскольку оно еще и знак. В христианском красноречии Августина объединились искусство речи и искусство рассуждения – *eloquentia*, в основе которой теология. Слово у философа – это учение об истине, а риторика – выражение этого учения.

Поэтому Августин учит сравнению смыслов, рассмотрению предметов и явлений с различных сторон, чему, по мысли философа, весьма способствует использование различных стилистических приемов в избранной последовательности, смена которых содействует наилучшему пониманию. Так, для объяснения одних предметов главным являются доказательства, существуют вещи, для которых подходит только форма наставления, для которого не нужен сложный витиеватый слог.

Августин нередко использует те же стилистические приемы, которые подвергались критике и в тексте Откровения. Пренебрежение правильностью из-за стремления к экспрессии и ясности, соединяющей глубинное восприятие передаваемых им вещей, отличает и тексты многих его писем и проповедей, ввиду чего создается даже впечатление, что эти произведения принадлежат не его перу.

Прежде всего Августин уделяет внимание методам, с помощью которых можно формулировать мысли о Боге. Он указывает, что одна только речь о Нем должна иметь различное выражение в зависимости от того, в каком контексте идет повествование. Говоря о язычниках, сравнивающих Бога с идолами, более уместен стиль возвышенный. Его надлежит использовать также в выступлениях, в которых необходимо передать непочтение язычников к Богу, чтобы вместе с тем представить их заблуждения. Для того чтобы показать действительную силу Бога, напротив, должен использоваться «прекрасный и блистательный» слог. Такой же стиль надо избрать и для славословия, чтобы передать возторженность говорящего.

Таким образом, мы с уверенностью можем говорить о том, что мысль Аврелия Августина должна рассматриваться через риторическое слово, основанное на рефлексии, поскольку все философские идеи о Боге, представление о мире, человеке, феномене человеческой свободы, справедливости, роли знака в понимании получают свою артикуляцию посредством искусства красноречия. Августин унаследовал аристотелевское представление о риторике, соответствующей диалектике. Ораторское искусство, которое использовалось для обоснования истин доктринального характера, основано на принципе применения диалектики.

Уже в ранних произведениях главенствующее место в объяснении истин христианского вероучения он отдает риторике, поскольку речь философа дополнительно содержит в себе еще и скрытый

диалог платонизма и христианства, не прекращающийся во всех его работах. Но вместе с этим он продолжает пользоваться их же аргументацией.

Поэтому Аврелий Августин может быть признан создателем христианского красноречия, ставшего теологией и оказавшего существенное влияние на его философские взгляды. Его трактаты, эксплицирующие христианское представление о Боге через осмысление феномена слова и риторическое искусство, отличает глубокий психологизм. Нельзя не признать того, что работы Августина, несомненно, положили основание психологии, потому что сам философ обладал талантом наблюдения и глубоким знанием человеческой души. Не удивительно, что апелляции к авторитету Аврелия Августина мы встречаем в столь разных областях, причем не имеет значения, к какому вопросу, связанному с его именем, мы обращаемся, поскольку в равной степени имеют значение и его личность, и философия, и духовный опыт, и биография.

Динамика его духовной жизни побуждает философа обратиться к проблеме понимания. Аврелий Августин предостерегает христианских учителей от того, чтобы объяснение истин догматического содержания не сводилось только к обсуждению этих вопросов, которое становится единственной целью христианкой проповеди, поскольку в такой ситуации слушающему сложно уловить истину. Он доказал необходимость понимания вероучительных определений, сохранив при этом принцип непогрешимости авторитета доктрины. Это объясняет совершенно несоответствующие друг другу умозаключения и несовместимые между собой точки зрения, которые мы находим у Августина.

В Средние века философия была направлена на подтверждение существования Бога, на доказательство единства, подтверждение всеобщей взаимообусловленности мира, имеющего единое онтологическое основание в Боге. Однако последующие мыслители и церковные деятели не увидели главного в работах Августина — стремления к пониманию, что в конечном итоге и привело к тому, что люди перестали читать Откровение из-за страха непонимания или искажения истины, что было впоследствии закреплено запретом Католической Церкви на чтение Священного Писания вне храма.

Поэтому в гуманитарном знании риторическое слово Аврелия Августина многозначно и уникально, поскольку порождает новые поиски ответов на актуальные вопросы современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блаженный Августин. О количестве души. Творения Т. 1 // Об истинной религии. 2-е изд. Санкт-Петербург : АЛЕТЕЙЯ; Киев : УЦИММ-Пресс, 1998. С. 183–263.
2. *Prestige G.L.* God in Patristic Thought. London : S.P.C.K., 1952. 318 p.
3. *Августин Аврелий*. Исповедь; Блез Паскаль. Письма к провинциалу. Симферополь : Реноме, 1998. 416 с.
4. *Августин Блаженный (Аврелий)*. О Троице. М. : ОБРАЗ, 2005. 256 с.
5. Блаженный Августин. О порядке. Творения (том первый) / Об истинной религии. 2-е изд. Санкт-Петербург : АЛЕТЕЙЯ; Киев : УЦИММ-Пресс, 1998. Т. 1. С. 114–182.
6. *Феофил Антиохийский*. Послание к Автолику. Памятники древней христианской письменности въ русскомъ переводѣ. Сочинения древнихъ христианскихъ апологетовъ. Приложение къ Православному Обзорѣнію. М. : Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°), 1865. С. 9–23.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 24 июня 2015 г.

RHETORIC OF FAITH OF AUGUSTINE OF HIPPO

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 35–39. DOI: 10.17223/15617793/398/5

Dyachenko Olga N. Kursk Institute of Education Development (Kursk, Russian Federation). E-mail: dyachenkoolga13@yandex.ru

Keywords: Augustine of Hippo; rhetoric; Word; Christian doctrine; faith.

Unlike his predecessors, Augustine of Hippo reinterprets the value of eloquence and its ability to explain the truths of the Revelation, so many philosophical ideas are articulated in rhetorical discourse. Augustine pays particular attention to methods, which can help formulate thoughts about God. A new sphere of oratory is Christian eloquence, in which, according to the philosopher, speakers who pronounce speeches prepared in advance and learned literally are treated as inactive. The rhetoric of Augustine always brings people a living Word, personal, prophetic, invocatory, which integrates the rhetorical style of Antiquity and the Christian content the philosopher refers to as a "Vessel of the Spirit". He argues that Christian rhetoric has nothing to do with sophistry as it is filled with deep spiritual meaning. The verbal art of a preacher is never eloquent for the sake of eloquence due to the fact that a word leading to understanding is both a thought and a meaning. The word has its own being, so it has a meaning in itself, regardless of its content, because it is also a sign. The Christian eloquence of Augustine united the art of speech and the art of reasoning, eloquentia, based on theology. The word of a philosopher is the doctrine of truth, and rhetoric is the expression of this doctrine. Therefore, Augustine teaches to compare meanings, see objects and phenomena from different angles, which, according to the philosopher, promotes the use of various stylistic devices in a selected sequence, a change of devices results in better understanding. He often uses the stylistic devices which were criticized in the text of the Revelation. Augustine neglects correctness to be more expressive and clear in his many of his letters and sermons, which even creates an impression that these works are not his. The rhetorical word of Augustine, expressed in a philosophical language, reveals the universal character of Christian ideas, as well as a long and complex process of spiritual search for truth, innate for a person of any era. Philosophy, starting from representatives of patristics, not only seeks to answer the questions posed by the idea of the modern era, but also tries to connect what the true people of the era perceive with the temporal situation in which that truth emerges and is perceived. The comprehension of truth allows understanding the specifics of European thinking in its origin.

REFERENCES

1. St. Augustin. (1998) O kolichestve dushi. Tvoreniya [On the scope of the soul. Works]. In: St. Augustin. *Ob istinnoy religii* [On the scope of the soul]. 2nd ed. St. Petersburg: ALETEYYa; Kiev: UTsIMM-Press.
2. Prestige, G.L. (1952) *God in Patristic Thought*. London: S.P.C.K.
3. St. Augustin & Blaise, P. (1998) *Ispoved'. Pis'ma k provintsialu* [Confession. Letters to a provincial]. Simferopol: Renome.
4. St. Augustin. (2005) *O Troitse* [On the Trinity]. Pt. 1. Moscow: OBRAZ.
5. St. Augustin. (1998) O poryadke. Tvoreniya [On the order. Works]. In: St. Augustin. *Ob istinnoy religii* [On the scope of the soul]. 2nd ed. St. Petersburg: ALETEYYa; Kiev: UTsIMM-Press.
6. St. Augustin. (2005) *O Troitse* [On the Trinity]. Pt. 2. Moscow: OBRAZ.
7. Theophilus of Antioch. (1865) *Poslanie k Avtoliku*. Pamyatniki drevney khristianskoy pis'mennosti v" russkom" perevodĕ. Sochineniya drevnikh" khristianskikh" apologetov". Prilozhenie k" Pravoslavnomu Obozrĕniyu [Epistle to Autolycus. The monuments of ancient Christian literature translated into Russian. Works of ancient Christian apologists. Annex to the Orthodox Observer]. Moscow: V" Universitetskoy Tipografii (Katkov" i K°).

Received: 24 June 2015